

Нина ГРЕБЕШКОВА:

Мы были с Гайдаем КОМИЧНОЙ ПАРОЙ

Колл. Чарльда. - 1998. - 20 марта. - с. 18, 19

Вдова известного кинорежиссера рассказывает, как ее муж учил собаку охранять кость, проигрывался в пух и прах и сам себе выращивал лавр...

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

А вот кошка Глаша Гайдая не помнит - она появилась в доме после смерти Леонида Иовича...

- О Лене рассказать невозможно. Он был непостижим. Я не могу сказать, каким он был, что любил, - вздохнула Нина Павловна и - надолго замолчала.

«Ну все, накрылось мое интервью», - подумала я. Со злости захотелось лягнуть хитрую кошку Глашку, нагло разлегшуюся посреди комнаты и равнодушно наблюдавшую за моими мучениями. Все они, братья наши меньшие, в гайдаевском доме чувствуют себя хозяевами, людьми. Так, например, было и с собакой...

Хорошо все-таки, что я не выключила диктофон.

- Нашей дочке подарили щенка. Я, конечно, была в ужасе. Сразу Леониду сказала, что щенок не должен появляться ни в комнатах, ни на кухне. Они же, маленькие, такие безобразники...

Щенку оставался только коридор, где он мог фланировать, как паровоз-кувшинка - туда-сюда. День прошел в бурном веселье и наблюдениях за новым обитателем квартиры. А ночью жена, не обнаружив Гайдая на брачном ложе, сильно встревожилась: вдруг с сердцем плохо? Пошла на кухню. Там при свете спали двое: Гайдай на стуле, подперев вихрастую седеющую голову рукой, и щенок, укачиваемый на гайдаевской ноге.

- Он так плакал. Я не мог уснуть, - оправдывался перед маленькой женой длинный Гайдай. Укачивание щенка на больной (ранение с войны) ноге продолжалось еще несколько дней.

Потом собака и Гайдай вообще побратались. Как-то строгая Нина Павловна не обнаружила сахарной косточки в только что сваренном борще. За дверью кабинета мужа повисла подозрительная тишина. Заглянув в щелочку, жена великого режиссера обна-

ружила душераздирающую картину. Посреди комнаты, на ковре, лежала пропавшая кость. По обе стороны от нее наблюдались собака (на четырех ногах) и Гайдай (на четвереньках). Собака обиженно скулила. Гайдай рычал и делал вид, что хочет отобрать косточку.

- Зачем мучишь животное?! - возмутилась жена.

- Я воспитываю у нее боевой дух! - был ответ.

В результате оскорбительных тренировок боевой дух у собаки выветрился окончательно, и она, уступив кость хозяину, гордо удалилась на кухню.

...У Гайдая было не сразу осязаемое свойство неуволности. Вот нет его сейчас с нами, а в кабинете, увешанном фотографиями и портретами, он как бы есть - длинный, с печальными глазами и взъерошенным детским затылком. А когда он присутствовал здесь физически, его как будто и не было. Он категорически не хотел привыкать к достижениям цивилизации, не умел зажигать плиту, клеить обои и воспитывать детей. Кажется, до конца своей жизни он был уверен, что котлеты сами растут в холодильнике.

- Представляете, - вспоминает Нина Павловна, - его ни к чему нельзя было приучить, а уж тем более - заставить. Он никогда не обижал, не кричал «Зачем нам это нужно!» по поводу, скажем, ремонта, но никогда ничего и не делал. Он спокойно говорил мне: «Тебе надо? Ну делай...». И все! Сдвинуть с места его было невозможно.

Темпераментная Гребешкова могла позволить себе громко возмутиться по чьему-либо поводу. На всплески жены Гайдай всегда реагировал однозначно: «Не нравится тебе

человек? Ну не пей с ним чай, не приглашай в гости...».

Как Гайдай придумывал свои фильмы? А никто не знает. Никто не видел этого. Может, бессонными ночами. Может, наблюдая за друзьями и домашними. Часто какие-то фразы, оброненные дома невзначай, всплывали в его фильмах. Жена, смеясь, просила за них отдельные гонорары.

Обижалась ли она, что знаменитый муж почти не снимал ее в своих картинах? Конечно, нет! Единственный раз ее задело, когда он предложил ей невыписанную роль жены Никулина в «Бриллиантовой руке». Нина обиделась: «Леня, но роль какая-то невзрачная...». На что Гайдай резонно ответил: «А такая и должна быть жена». Но это - в фильме, а дома вряд ли бы он ужился с такой «серой мышью»: кто бы его, задумчивого и рассеянного, связывал с внешним миром?

Бывало любил Гайдай подшутить. Едут они в метро. У двери вагона стоит красивая девушка.

- Нин, посмотри, какая красotka!

- Где, где, я не вижу...

- Да вон, быстрее, а то выйдет сейчас!

- Я не вижу все равно!

Тогда Эйфелева башня Гайдая опускается до уровня глаз жены и с изумлением констатирует:

- Боже мой, да ты ничего не видишь! Как же ты живешь?..

Гайдай очень дорожил творческой свободой. Поэтому легко соглашался с замечаниями «старших товарищей» по партии. Скажут ему вырезать кусок из ленты - он вырежет. Скажут переделать - переделает. Жене говорил, что ему даже так интереснее: есть

стимул из изрезанной вырызг картины слепить не менее достойное.

Как-то Гайдаю принесли мосфильмовскую заставку к фильму «На Брайтон-Бич...». А заставка-то «поплыла» - что-то случилось с лентой, и на экране Рабочий и Колхозница начали двигаться рывками, а потом как бы вообще завалились на бок. Гайдай переделывать заставку не пожелал, философски отметив, что это - наилучшая иллюстрация к развалу великой когда-то киностудии.

Такое своеобразное равнодушие выражалось во всем. Не только к собственным картинам, но и к наградам, которые он небрежно именовал пацками. Приходил с очередного высокого мероприятия, раздевался, кряхтя, в узкой прихожей, садился за стол, а потом, как бы вспомнив, докладывал: «Нин, а мне очередную пацку дали». И - тут же об этом забывал.

Но один раз система все-таки вывела уравновешенного Гайдая из себя. Должен он был выступать перед рабочими «Трехгорки». Вот уж и день известен, и час. А тут из горькома звонят: «Леонид Иович, мы ждем вас у себя на встрече...». Гайдай начинает доходчиво и терпеливо объяснять, что этот день у него занят. А там, в трубке, не менее доходчиво ему говорят, что документы на его очередное звание лежат у них на столе и что если он не придет... Тогда Гайдай, напугав всех домашних, довольно громко произнес: «Ну и плевал я на ваши звания!» - и повесил трубку. За неуступчивость пришлось поплатиться: звание «отложили» на несколько лет. Но мы уже знаем, как Гайдай относился к пацкам.

Дочь свою Леонид Иович видел крайне редко. Вернее, жили-то они в одной квартире, но замкнутый Гайдай в жизни младшего поколения не участвовал. Вот однажды приходит он домой, а дочка бумагу ножницами режет. Врач это ребенку прописал, чтобы мышцы кисти тренировались. Увидев горы обрезков, Гайдай был поражен в самое сердце. С немьм укором застыл он на пороге

детской и трагическим голосом затрубил: «Нина! Что делает наш ребенок?!». «А ты меня спрашиваешь? Разве ты с ней не знаком?» - съехидничала жена. Вопрос поставил незадачливого отца в тупик: «Мне как-то в голову это не пришло...».

Зато с внучкой великий юморист общался на равных. Не потому, что подстраивался, а потому что сам был таким... ребенком.

- Допустим, я кому-нибудь из них положу больший кусок торта, так он или она сразу подмечают: «А почему дедушке (внучке) больше досталось?». Обижались по-настоящему. Или вот Гайдай очень не любил, когда что-то за столом трогали руками. А внучка из вредности возьмет да и потрогает пальчиком все огурцы. Обиженный Гайдай гундел жене: «Нин, я есть не буду! Почему она все руками перетрогала?». Такой вот детский сад...

Вы только не подумайте, что у таких спокойных, флегматичных на вид персонажей не может быть страстей! Были! Перво-наперво... игровые автоматы. А всему виной Америка. Как-то Гайдай и Гребешкова отправились туда на экскурсию. Вдруг ни с того ни с сего совершенно нерасчетливый и нежадный муж предложил Нине Павловне разделить валюту. Странно помявшись, сказал: «Ты свои деньги себе оставь, а мне - мою половину».

Опытная супруга сразу же заподозрила неладное. И оказалась права! Сначала муж все время где-то пропадал. Народ - на экскурсию, а он втихую, как заговорщик, исчезает в игральном зале. Все в бассейне - он играть. Короче, на третий день стал с понурой головой пред строги очей своей половины: «Нин, дай взаймы доллар, а?». «А свои у тебя где? В банк положил?» - прикинулась непонимающей жена. Но доллар все-таки дала. Гайдай раскаялся: «Проиграл... Отыграюсь - верну... через час». Часа через три он нарисовался перед женой с видом проигравшегося Германа: «Нин, я тебе долг дома от-

дам, в рублях, но в пятикратном размере. Можно?».

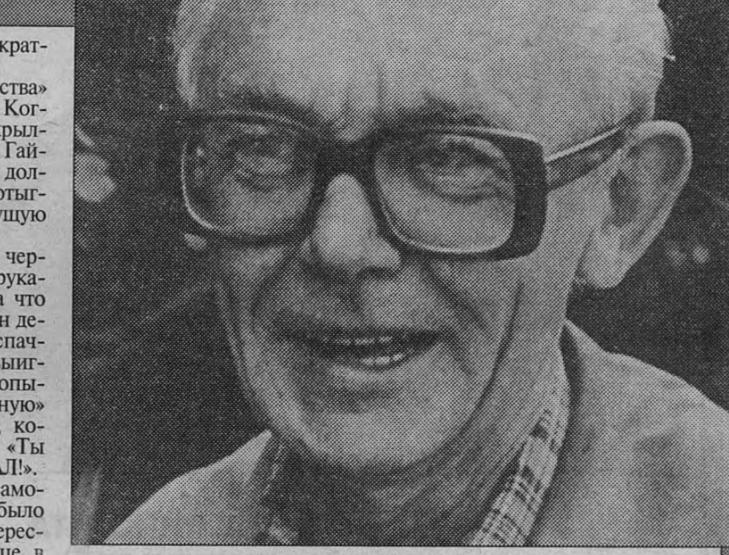
Проигрыши и «банкротства» не оставили его и здесь. Когда недалеко от их дома открылся зал игровых автоматов, Гайдай, будучи уже на пенсии, долгое время проводил там: отыгрывался за всю предыдущую жизнь.

- Домой он приходил с черными от игровых жетонов руками. Я спрашиваю: Леня, а что это у тебя руки грязные? Он делал удивленный вид: «...испачкался, наверное». А когда выигрывал, то высыпал из оттопыренных карманов «трофейную» мелочь прямо на стол. Я, конечно, возмущалась, а он: «Ты не понимаешь! Я ВЫИГРАЛ!».

Еще одним увлечением самого серьезного режиссера было записывать за людьми интересные высказывания - на улице, в магазине, на студии. Таких высказываний у него накопилась целая коллекция. Особенно нравилось выражение одного коллеги: «Жить, как Христос за пазухой». Но однажды на рынке торговец цветами подозвал Гайдая: «Отец, купи цветок...». Гайдай на «отца» обиделся и больше ни за кем записывать не стал.

Но было у Режиссера и «самое-самое» увлечение. Можно сказать - любовь. Ничто так не успокаивало, не расслабляло душу, как возня на даче, с разной зеленой «живностью». Леонид Иович трепетно и с нежностью относился к любому зеленому созданию. А особенно к тем, кого вырастил сам.

Был в последние годы жизни у него любимец... лавр. Гайдай вырастил его из семечка. Посадил сначала в горшок на окне. К весне лавр разросся, и Нина Павловна увезла его на дачу: пусть растет на воле. Ближе к осени муж забеспокоился: «Нинок, а с кем мы Лаврушку оставим? Как он тут без нас, не замерзнет?». Заботливая Нина Павловна осенью замотала лавр брезентом, утеплила, и весной на счастье мужа лавр ожил. А вот следующей осенью они утеплить растение не смогли. Растение погибло. Гайдай был очень расстроен. Ходил в траур-

Леонид Гайдай до последних дней оставался большим ребенком.

ном настроении. Но - о чудо - полумертвое деревце выпустило чахлый зеленый листочек. Радости в семье не было конца. Росток выкопали, поместили в горшочек и - от греха подальше - отвезли обратно, домой. Так они и жили втроем. А в день, когда не стало Гайдая, лавр опал, весь, до последнего листика.

- Придя домой из больницы, где Леня умер у меня на руках, я обнаружила наше деревце совершенно голым. Села я рядом... заплакала... и говорю ему: Леня умер, ну хоть ты меня не покидай...

Может, кто наверху услышал молитвы вдовы, может, в природе что произошло, но лавр вернулся к ней, выжил и теперь украшает ее окно...

...Когда они начали встречаться, ему было тридцать, ей - двадцать три. Вернее, встретились-то они раньше: учились все-таки на одном курсе. Все было довольно просто: как-то раз он пошел ее провожать.

- Представляете, мы ходили пешком от ВГИКа до моей Кропоткинской. Разговаривали, что-то обсуждали. Леня был великолепным рассказчиком, и самый простой случай из жизни превращался у него в повесть. Дорога занимала почти четыре

часа, я шла на каблучках, а усталости не было.

...Так прошел один вечер, второй, пятый. Как-то Нина заметила, что ее провожатый который день появляется в институте в несвежей сорочке. На что он простодушно сознался, что вот уж несколько дней подряд не ночует в общежитии, потому что не успевает на последнюю электричку.

Чтобы рубашки были свежими, а электрички не убагали из-под носа, Нине было предложено выйти за него замуж.

- Он так и сказал: «Давай, Нинок, поженемся?». Я, конечно, сразу отказала... Мне казалось, что мы очень комичная пара - он под два метра, я чуть больше полтора. А Леня на это ответил, что маленькую женщину ему удобно будет носить на руках, а большую он не поднимет...

...Ленивая персидская Глашка томно потянулась и манерно вышла из комнаты, как бы лавая понять, что аудитория закончена. Она появилась в квартире на Черняховке уже после смерти хозяина. Теперь она здесь главная. И уж, конечно, она никому бы сладкую косточку из борща не уступила. Впрочем, на кость теперь некому и претендовать...